

Вера Урман

Зеркало для Евы

мистический триллер

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вера Урман
Зеркало для Евы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вера Урман

Зеркало для Евы / Вера Урман — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вы уверены, что, повернув за угол, не окажетесь в другой – параллельной реальности? Или, закрыв глаза, не переместитесь в альтернативное пространство? Вы ли это будете, или другой, похожий на вас? Рождаясь, мы уже «переходим» из одного Мира в другой, а «порталом» является материнское лоно. Но по нему мы не сможем вернуться назад. Героиня этого повествования с самого рождения получила возможность путешествовать по разным измерениям; видеть то, что другие не могут представить. Но эти перемещения наполнены трагическими событиями, которые трудно пережить и осознать... Содержит нецензурную брань.

Предисловие.

Здравствуй, Ева! Девочка, девушка, женщина, леди, мадам. Великая труженица, терпеливый ангел. Ты нежна и коварна, наивна и хитра, легкомысленна и безрассудна, самоотверженна и преданна, доверчива и мстительна, ласкова и жестока. Всё это ты, Ева, и не хватит слов, чтобы описать тончайшие переливы твоих эмоций, склонностей и черт, что присущи тебе, всю глубину чувствований и побуждений, остроту переживаний, оголённость ощущений. Ты умная, мудрая, любознательная, но можешь быть недалёкой, попросту говоря- глупой курицей или круглой душой. Прости, Ева, но это ты! Я люблю тебя, Ева, но и презираю. Любовь перерастает в обожание, а презрение в ненависть. Но, как ни странно, я тоже- Ева!

Кроха с пухлыми щёчками, ясными глазками, молочно- розовой или цвета какао с молоком, бронзово- золотистой и шоколадно- чёрной шелковистой кожей – ты приходишь в этот мир уже зная, что тебя ждёт.

Нет, я не оговорила: твоё сознание, как тугой бутон цветка или куколка бабочки. Бутон знает каким будет цветок, куколка видит себя бабочкой.

Зачем стремишься в этот мир, Ева? Ещё находясь по ту сторону бытия, ты знаешь весь свой путь. Тебе дано право избрать всё, что пожелаешь, и никто не может решать за тебя. Ты созидательница своей судьбы и ты ответственна за всё, что с тобой произойдёт на Земле.

Мир был безгрешен, пока не появилась ты, Ева! Во всех несчастьях ты винишь мужчину, но разве виновен он, что Господь изгнал вас из Рая? Я докажу тебе Ева, что все преступления Мира исходят от женщин! Моя собственная жизнь тому доказательство...

***

И угораздило же эту девочку родиться именно так, а не иначе! Будто не нашлось другой возможности появиться на свет! Зачем, скажете вы, я вам всё это рассказываю? Да потому, что вся эта история началась с самого дня её рождения.

Была жуткая, просто потрясающая мир метель. Стены барака, где проживали родители девочки и пятилетний брат, стонали от ударов неистового ветра и имели большое желание развалиться. Папа, нерождённой ещё героини этого повествования, по причине выходного, читал газету, а мама так же мирно готовила завтрак семейству. Брат занимался, ну совсем не стоящим внимания делом: банально сидел на горшке. Нашей девочке видно надоело быть взаперти, и она решила нарушить эту семейную идиллию. Тем более тесновато что-то стало ей в своём убежище. Пытаясь найти выход, она заметалась туда- сюда, но выхода не было. По причине упрямого характера ей захотелось выйти во что бы то ни стало! Мама этого вредного создания жарила картошку: с хрустящей корочкой, с лучком, ароматную- ю-ю- ю! Осталось только посолить, и мама будущих неприятностей пошла к столу за солонкой. От неожиданной резкой боли в животе она остановилась и, схватившись за спинку стула, подумала: «Началось!». Ну как же не начнётся, если мир приключений позвал к себе создание, хранившееся у неё в животе целых девять месяцев! И это сокровище, притихшее было чтобы оценить ситуацию, опять ринулось искать выход.

Кто сказал, что любопытство не порок? Порок, да ещё какой порок! От любопытства и происходят все неприятности. Вот и захотелось одной такой любопытной всенепременно появиться на свет именно в самую мерзкую погоду, какой не случалось уже много лет. Нет, вы только представьте себе картину – мама этой вредины охнула и закричала так, что кошка Муська скрылась за печкой от греха, папа бросил газету и подбежал к маме, думая, что мама обожглась; брат, сидящий на горшке, спросонья ничего не понял и набрав побольше воздуха, громко заревел на всякий случай. В семействе, только что спокойно ждущем завтрака, запахло жареным. Нет- нет- горелым! Да, вы правы – горела, безнадежно испорченная картошечка... Ах, как было бы приятно позавтракать в тепле, за столом, когда по центру стоит сковородка с этим чудесным русским блюдом: жареной картошкой, а в миске рядом огурчики с пупырыш-

ками, или селёdochка пряная и жирная—лежит себе в маслице и не думает своей глупой башкой, что её сейчас съедят. А грибочки, грибочки-то: белые грузди, засоленные по особому рецепту, тоже рядышком, в тарелке ждут, когда вилочкой их наколют, да и в рот отправят; захрумкают смачно и ну нахваливать! Ой, а про капусточку забыли. Ай, яй, яй! Она же не просто вам, абы как—она королева! И питает, и лечит. Самое «крутое» блюдо трудящихся масс: дешёво и сердито. А если ещё квашена в бочке дубовой с морковкой и антоновскими яблочками, да специй хитрых туда чуток – всё, отпад! Сколько же застолий в России было от самых нищих, когда кроме капусты да бутылки беленькой ничего на закуску не светило, до самых богатых, где заливное из севрюги, поросёнок с хреном, лебеди в яблоках, икра красная, икра чёрная—не заморская, нет, российская, родная и много ещё чего- то деликатесного, не пробованного и не виданного простым людом. Ну вот увлеклась, а помидорки чуть не обошла вниманием! Даже как-то неудобно: такие мясистые, краснобокие господа! Разлеглись кверху брюхом, прикрывшись смородиновым листом, но ведь не скроются со своими -то телесами. Готовьтесь господа, мы и до вас добрались!.. И-е-х, накрылся такой завтрак!

Отвлеклись мы, отвлеклись. Картошечка-то сгорела, помните? Теперь только свиньям отдать. Вот что значит испортить жизнь людям, ещё не родившись! Неприятные события уже ничем нельзя было остановить. На крики прибежала соседка: мамина подруга и акушерка в одном лице. И началось! Подруга кричала несчастному родителю, чтобы не стоял столбом, а бежал быстрее заводить свой трактор. Почему трактор, спросите вы? Да по той простой причине, что родитель был трактористом. А для чего, спросите вы: ведь выходной же. Да потому, что нужно было срочно ехать в роддом. Сами помните, что была сильная пурга и все дороги занесло по самое не хочу. Только с трактором и можно было проехать. Зимой трактор всегда стоял рядом с домом именно для чистки дороги. И крытый «Газон» соседа-татарина дяди Миши из соседнего барака стоял рядом: после выходного развозить рабочий люд. Папаша заметался в поисках одежды и обуви, а чего метаться, если тулуп висит у двери на вешалке и валенки под ней!? Кое-как он оделся и ринулся заводить своего железного коня. С дядей Мишей отец вместе работал и, разумеется, отдыхал иногда. Нет не пьянствовал, а именно отдыхал. Собирались четыре -пять семей с отпрысками, если такие имелись, мамы наряжались-завивались-красились (конечно, не так как сейчас, даю гарантию, что всё было пристойно и в меру). Папаши брились, напяливали выходные костюмчики и галстучки: ну просто фраера на загляденье! Правда ручищи были заскорюзлые, но так ведь рабочий же класс, сами понимаете! Детки, отмытые от уличной грязи, шли в отстиранных, отглаженных нарядных платьях и брюках, держась за руки своих родителей. Все чинно шествовали в Парк Культуры и Отдыха, который находился в небольшой сосновой лесополосе. В мозолистых руках троих мужчин было по ведру. Неужели по- грибы, спросите вы? Ан, нет, ошибаетесь! Дорога-то шла мимо магазина, где в вёдра наливалось холодненькое такое, пенное-пенное пиво. Думаете это всё? Нет: детям покупалось мороженое, петушки на палочке и лимонад – надо ж думать— жарко же, а дамы затаривались жареными семечками. Мужчины, исходя слюной, ускоряли шаг, дамы поспешали за ними, ну а детям приходилось поторапливаться, так как мамы цепко держали чад за руки. И вот она – долгожданная прохлада! От нагретой хвои идёт терпкий аромат почище самых крепких духов. Изумрудная прохлада приглашает присесть, что и делает вся весёлая компания. На выбранной уютной полянке расстилают прихваченные из дома одеяла и, наконец, все рассаживаются. Из сумок извлекают стаканы и кружки, по которым немедленно разливают пиво. Дети, почувявшие свободу, разбегаются по сторонам, но бдительные мамы возвращают их поближе ко всей компании. Ещё из сумок достают, чтобы вы думали: сушёную рыбку. И не абы какую, а чехонь или леца. Вся компания издаёт восторженное: о-о-о, будто в жизни ни разу не ели это чудо—сушёную рыбку! Так ведь сами посудите, какое ж пиво без рыбы! Ради такого деликатеса разливают ещё по кружечкам. А чехонька – то, чехонька: вся аж светится, зараза, так и исходит своим рыбьим жирком, так и соблазняет! Ну как тут усто-

ишь: обязательно глотнёшь холодненького, с лёгкой горчинкой напитка, ну а кусочек рыбки и махнёшь зараз. И что интересно, чем больше ешь рыбы, тем больше хочется пива и наоборот. Замечали небось за собой эдакую слабость, а? Ну вот, слегка охладились- посолились, глазки заблестели, языки так и зачесались: поговорить охота. Компания разбивается на группки по интересам (рыбак рыбака видит издалека). У мужичков на первом месте рыбалка. А как же! Откуда вы думаете рыбака-то берётся? Так и первое уважение рыбакам. Вторым вопросом идёт футбол. Без этого ни одно мужское сообщество не обходится. Без женщин можно, но без футбола! А что же наши бабы, то бишь дамы обсуждают? О-о-о, это стоит внимания! Вот к кому нужно засылать секретных агентов, вот где раскрываются секретные сведения и страшные тайны. Конечно же наши дамы делятся своими кулинарными рецептами, коих держат в голове великое и бесконечное множество. Если их послушать, то можно наесться на десять лет вперёд (если с воображением у вас всё в порядке). Смакуются малейшие нюансы каждого блюда, детали приготовления, ингредиенты, специи, цвет, форма... Затем переходят к теме – дети. Да, кстати, а дети-то, где? Начинается маленький переполох. Мужчины забывают свои важные темы и вместе с жёнами ищут своих неслухов. Ну, слава Богу, всех нашли! Облегчённо вздыхают, отчитав для порядка отпрысков и тут же вспоминают, что после пива пора бы отлучиться куда-нибудь в кустики. Женщины по очереди, (надо ж кому-то детей стеречь), тоже отлучаются по тому же делу. Наконец и женщины, и дети на месте, а где мужики? Куда запропастились? Да вот они идут всей гурьбой: весёлые такие, оживлённые. Что-то слишком оживлённые. Ага! Понятно! Уже сбегали по- молодецки, конечно, за ней «беленькой – крепенькой»: ни так себе – сорок градусов! Ну и что жара, жара тут ни при чём, когда душа веселится без беленькой ну никак, ежели содержимое карманов позволяет, сами знаете. Вот и разлита по стаканчикам и кружечкам, чокнулись за здоровье и айда вперёд – выпили. Нет не понять это трезвенникам, не вникнуть! В каждой жилочке разливается-вибрирует это самое «здоровье», за которое и пили только что. Кажется горы свернёшь, а радость и счастье так и прёт, так и прёт! Хорошо-о-о! А где радость и счастье, там и любовь. Тогда без объятий и поцелуев никак нельзя. Сами, наверное, прошли через чувство всеобщей любви. Как выпьешь, так все тебе друзья и братья, и родня: всех бы обнял-поцеловал! После рюмочки-двух и враг тебе уже не враг, а наилучший друг. Вот оно волшебство без всяких заклинаний! Только захотел друга приобрести, надо предложить рюмашечку постороннему прохожему—вот тебе и друг. Но, с другой стороны, если малость этой сокровенной влаги перебрал, считай всё—не только врагов, но и друзей потерял; да что друзей, себя-то оставишь незнамо- где, а потом вспоминаешь, как туда попал. Знакомо вам такое? То-то! Не зря говорят про «золотую середину». Каждый к ней стремится, (а кому золото лишнее?), да в процессе стремления проскакивает в неизвестность. Ладно, если из этой неизвестности выберешься без потерь, а то ведь очнувшись, глянешь в зеркало, а там такое умопомрачительное чудовище, какого и в аду, вероятно, не встретишь! Да и представьте себе: то место, где у людей глаза должны быть, созерцаешь два средних размеров «фонарика», но зато изумительного сизо-фиолетового цвета, правда подпорченных потёками засохшей кровушки (ещё надо разобраться: своей или чужеродной). Затем направляешь лучи от фонариков ниже и что видишь: удивительный махровый цветок расцвёл там, где ещё вчера был рот, через который ты употреблял жидкость с утонувшей в ней истиной! Мясистые, багрово-красные лепестки этого чудо-цветка готовы вот-вот раскрыться и... раскрыва-а-а-ются. Что это? Какая змея вылезла из этого бутона? Фу-ты, это не змея, это язык пытается обследовать лепестки-тычинки, надо понимать губы и зубы. Вот он, этот поганый орган- язык! Точно, змей! Он-то и довёл организм до такого состояния: видно ляпнул что-то, где-то не в «кон», вот и картинка в зеркале – приплыл. Ну, да оставим этого монстра искать своё «Я» и взглянем на нашу благочестивую компанию. Все в сборе и, даже, кажется собрались по домам. Хорошенького помаленьку, да и домашние дела не сделаны-переделаны, (а они когда-нибудь кончатся?). Довольные родители и дети возвращаются домой; мы же вернёмся из лета в тот зимний

метелистый день и узнаем, а не родилась ли ещё эта вредина? Но, нет: родитель только ещё пробился через сугробы в другой барак, где живёт друг-татарин. Заколотил в дверь, закричал: – Миша, открывай, Галина рожает!

Даже по случаю выходного, друган был абсолютно трезв и, бормоча: «сейчас-сейчас, выхожу!», – стал одеваться. А папаша двинулся заводить трактор. Как ни завывала от злости метель, но агрегат заведён и пущен в ход. Наши то бульдозеры те ещё звери, да при должном уходе. Собаки такие есть- бультерьеры, если ухватят, мало не покажется. Вслушайтесь только: буль-дозер, буль-терьер. Почти одно и то же. Наверное, близнецы-братья. Так что площадка перед входом в барак была очищена. Татарин уже сидел за рулём своего «Газона». Осталось загрузить, нет, уложить или усадить, (не знаю, как лучше-то сказать!), нашу многострадальную родительницу, которую осторожно, словно антикварную вазу, вывели из дверей и как смогли, сами понимаете, что значит в таких условиях поднять беременную рожающую женщину в кузов грузовика. Подняли её, истошно кричащую, в будку машины. Подруга-акушерка забралась туда же. Почему не в кабину? Да ведь противная девчонка вот-вот вырвется на свободу. Вся процессия из буль-дозера и «Газона» направилась в сторону больницы. Летом до неё езды-то, тьфу, минут пять, но в такую круговерть добирались больше часа. Сами подумайте: ни дороги не видать, ни-че-го, кроме снега. Несколько раз останавливались – искали ориентиры в виде столбов. Но и столбы нужно сначала обнаружить, а потом двигаться дальше. Сугробов тогда намело, будь здоров- метра полтора, а то и два! Так что добраться и за час—большой подвиг. Но что ни сделаешь ради ожидаемого чада. А чадо не преминуло сделать по-своему: родилось прямо в кузове! Девочка! Подружка-акушерка отшлёпала её за это по заднице, да ещё и за то, что родиться-то родилась, но голос подать об этом радостном событии не захотела. Молчит, партизанка! Но ручка акушерки тяжеленька оказалась, сразу отбила у неё манеру молчать, когда бьют. И выбила-таки из неё такой ор, что и метель устыдилась, наверное. Вот незадача! В суматохе забыли пелёнки взять! Пришлось пожертвовать пальто родительницы. Что значит быть непослушной и родиться, где ни попадя. До больницы всё-таки добрались. Родительницу, потерявшую к тому времени сознание, положили на носилки пришедшие из больницы санитары. Нужно было торопиться, поэтому пальто из кузова выбросили в сугроб. Они ж не знали, что там лежит себе полёживающая такая драгоценность, из-за которой весь этот сыр-бор и был затеян! В больнице мамаша очнулась и первым делом спросила о ребёнке. Конечно, о ней сразу все вспомнили и побежали искать: на улице не май месяц. Вокруг машины расстилалось ровное, без единой вмятинки, снежное покрывало. Это где ж её искать, не видать и не слышать. Четверо мужиков стали активно искать пропажу. Слава тебе, Господи, нашли! И что вы думаете: спит себе чудо-чадо и в ус не дует. Понесли её скорей в больницу, в тепло. Обогрели, запеленали. Все вздохнули—обошлось!

Вот так появилась в этом мире любопытная, вредная, непокорная мадам, которую, хлебом не корми—дай приключений!

***

А уж каких только вероятных и невероятных приключений она ни находила себе на голову, (или на задницу). У неё и передача была одна из любимых—очевидное-невероятное. По мере взросления вероятность невероятного увеличивалась в арифметической прогрессии, так, как и математику она любила тоже. Математики, они ведь какие дотошные: пока не решат свою теорему-аксиому, не успокоятся. Вот и эта любознательная везде совала свой нос. Скажите на милость, ну для чего ей надо было лизать топор, покрытый инеем? А чтобы узнать, не похоже ли это на мороженое. Язык, конечно, тоже дурак оказался: прилип и никакие слёзы, никакой рёв не помог ему отлепиться от топора. Так и пришли домой: язык на топоре, топор в руках старшего брата, а следом ватага не таких любопытных, но сопереживающих ребятишек. Дружбу топора и языка разливали тёплой водой, хотя и есть поговорка: «не разлей вода», но это про другое, наверное. И зачем нужно было воспринимать слова брата буквально, когда на

дороге увидела рассыпанные камешки, так похожие на драже арахис в шоколаде? Брат сказал, что это козьи орешки. Слово «орешки» и решило исход дела: немедленно поднять их и сунуть в рот. О-о-о! Какой хохот стоял вокруг! Когда она поняла, что это совсем не похоже на сладкие конфетки, громко заревела. Её вся семья поэтому прозвала – рёва-корова. Но тогда же она поняла, что нельзя верить всему, что говорят.

Своих кукол она любила, наряжала-кормила, гулять водила. Но когда кошка Муська поймала мышонка, наша маленькая воспитательница отчитала кошку (маленьких обижать нельзя!) и взяла мышонка себе под опеку. Куклы на время были забыты. Мышонку шились малюсенькие распашонки, его десятки раз пытались накормить, укладывали спать. Кошку, пытавшуюся восстановить права на законную добычу, выгоняли в коридор. Но мышонок не понял такой заботы: не ел, не спал и всё рвался убежать. Наконец, заболел. Поле деятельности расширилось и, воспитательница с полным правом, стала доктором. Она лечила его по всем правилам, но мышонок не оценил всех забот – сдох. Девочка ужасно обиделась и решила отдать неблагодарного кошке Муське. Но кошка тоже оказалась гордячкой – есть не стала. Пришлось воспитанника похоронить в огороде. Из этого случая в голове отложилось: не все благие намерения приводят к хорошему результату.

Однажды друзья родителей пригласили всё семейство на день рождения. Тётя Софа была заядлой огородницей и великим цветоводом. В теплице и в саду у неё росли такие чудесные цветы. В доме собирались гости, на стол ставились последние приборы. Нашу девчущку отправили в сад, чтобы не мешалась под ногами. Гуляя между благоуханным изобилием разнообразных цветов, в её голову пришла неплохая мысль: поздравить тётю Софу и преподнести ей самый большой и красивый букет. Девочка представила радость тёти и как её все будут хвалить, такую догадливую, умную и окончательно решила свою мысль воплотить наяву. На кухне она взяла нож, вернулась в сад и, со знанием дела, принялась срезать самые красивые цветы. Муж тёти Софы, дядя Гоша, застав её за таким занятием, лишился дара речи, правда на время. Цветы тётя Софа выращивала для участия в выставке. Маленькая «вредительница» срезала самые редкие сорта. Но дядя Гоша был очень воспитанный и интеллигентный человек. Профессор. Он рассудил философски, что с воза упало, то пропало. Прекратив такое варварство, дядя завёл преступницу в дом, строго-настрого запретив не только дарить, но и говорить о срезанном букете имениннице. Маленькая шкода надулась, разобиделась и решила, что дядя жадина и свою тётю совсем не любит, если пожалел для неё цветов. Настало время поздравлений: все гости целовали тётю Софу, желали самых лучших благ, дарили подарки. Мама с папой и обиженной дочкой подошли тоже поздравить. Тётя Софа заметила слёзы на глазах своей любимицы и пожелала узнать причину столь не весёлого настроения. Проказница с рёвом бросилась к тёте Софе и рассказала ей всё. Но тётя оказалась очень мудрой и доброй. Она простила рёвушку, но взяла с неё слово, что впредь без спроса в саду ничего не трогать.

Сколько шишек, ссадин и царапин получила она из-за своего любопытства и вредности. Родители часто повторяли: «Любопытной варваре на базаре нос оторвали». И хотя нос было жалко, но жажда приключений пересиливала, поэтому в школе интересовалась всем, что преподавали. С огромным энтузиазмом она подвергала изучению все предметы, была просто книжным алкоголиком: запоем читала всё, что могло дать ответы на бесконечное множество вопросов, возникающих в её ненасытной головёнке. Посещала различные кружки, была заводилой во всём, что связано с необычностью. Время тогда казалось длинным. Пионеры считались самой деятельной организацией школьников. Участки улиц закрепляли за школами. Какие были цветники и клумбы! Как всё поливалось, лелеялось, холилось. Устраивали соревнования на лучшую клумбу или цветник. С каким удовольствием и девчонки, и мальчишки занимались этим! Потом, правда, какие-то дяди и тёти, (вероятно, у них с головой было не в порядке) решили, что дети эксплуатируются незаконно и запретили всё это. Правда посылать школьников и взрослых на уборку урожая нерадивых колхозов, считали не эксплуатацией, а

«братской помощью». Но детям-то, детям интересно было вырастить красоту, а не убирать грязную картошку, свеклу и морковь! И как ни убеждали тётки и дяди, что уборка урожая благородный труд на благо всей страны, дети с большим нежеланием участвовали в этом. Вот и наша проказница всеми правдами и неправдами старалась избегать такую каторгу. Для этой цели придумывался хитроумный план: болезнь. Накануне поездки в колхоз, наша выдумщица создавала атмосферу заболевания. Усиленно натирались уши и щёки, градусник нагревался в горячей воде. Главное не переборщить, а то и шкалы не хватит! Порошком острого перца чуток натиралось под носом и вот уже сопля, чихание обеспечены! Мама всплёскивала руками, охала-ахала, а отец выносил вердикт: никакого колхоза. Тут же начиналось лечение «больной» – горячее молоко с мёдом, отвары трав, растирания и постельный режим. На следующее утро приходил врач, вызванный мамой. К его приходу нужно подготовиться особенно тщательно: это не родители, а врач, которого трудно обмануть. Но и это удавалось. Градусник, уже нагретый, прятался под подушку, пальцы погружались в порошок перца, чтобы в нужное время натереть нос для создания насморка. Чего только ни сделаешь для поддержания образа! Врач встречался во всеоружии: уши, щёки натёрты, нос от перца и правда заложило, даже глаза заслезились. Оставалось главное и самое сложное: вовремя подменить градусник да не перепутать! Поэтому, что вы подумали:

правильно, под подушкой было два градусника. Как хорошо, что в стране был стандарт и градусники были абсолютно одинаковыми. Слава стандартам! Подмена происходила виртуозно, и доктор выписывал кучу рецептов. После ухода врача, обманщицу начинала мучить совесть. Родителей обманула, врача тоже. В таких случаях нужно говорить: медицина бессильна! Бессильна против такой аферы. Так вот—совесть не давала покоя мнимой больной, и она решила её успокоить. Одно из любимых хобби—приготовление чего-нибудь вкусненького. Доставалась книга – «О вкусной и здоровой пище», оценивались запасы продуктов в холодильнике и готовилось первое, второе, даже что-нибудь на десерт: печенье или торт. Когда усталые родители возвращались с работы, их изумлению не было предела. Ну, как же—оставляли утром больную, а тут, как по волшебству, убрано-сготовлено! Родителям легко доказать, что ты больна, продемонстрировав градусник. А свою кипучую деятельность объяснить ещё проще: днём полегчало, но сейчас опять поплохело. Ребёнка жалели, пытались накормить, но ссылаясь на отсутствие аппетита, наша аферистка шла в постель. Конечно, не будет аппетита, если незадолго до прихода родителей плотненько поесть. Но после, совсем недолгих уговоров, чадушко соглашалось попить чаю с тортом или печеньем. Совесть была успокоена и все были довольны! Так знания свойств предметов и веществ, почерпнутые из учебников и литературных источников, могут приносить пользу с одной стороны, но и портить человека с другой. Что подделаешь, жизнь сплошная теория относительности! Возьмём, к примеру, футбол. С одной стороны, в футбол играют летом, но почему бы не зимой? С одной стороны, в футбол играют обычно пацаны, а с другой: почему не сыграть девчонкам? Резонно? Резонно! Чтобы тебя, девчонку, приняли в команду, нужно вывести из строя вратаря. Как? Да проще некуда: жалуешься его родителям, что он бьёт девчонок и родители загоняют пацана домой, не поверив его клятвенным объяснениям, что этого не было. Убеждаешь команду, что ты самый лучший вратарь, (здесь пригодится дар красноречия, от недостатка которого не страдала наша хулиганка). И вот – ты вратарь! Теория относительности действует: обледенелый мяч летит вратарю прямо в лоб. Хитрая голова ударяется затылком о штангу ворот, высекая искры из глаз, которые моментально заплывают, и огромная шишка вспухает посередине лба! Чао-какао: вся футбольная команда в шоке. Из этого состояния их выводит, нет, не крик пострадавшей, а совершенно спокойный голос: – «Пацаны, чего встали, ведите меня домой, а то ничего не видно». Где ж тут будет видно, если глаза совсем закрылись. Пацаны в восторге от такой выдержки, уважуха и респект, берут за руки и доставляют, геройски пострадавшую, домой. Любой другой в таком случае ревел бы белугой, но наша упрямецка только в младенчестве слыла рёвой-

коровой, но сейчас она проверяла теорию относительности на себе, а экспериментатор должен быть бесстрашным. Всё наилучшим образом подтвердилось: с одной стороны ты пострадавшая, с другой – героиня! С одной стороны родители будут ругать за неосторожность, но с другой и пожалеют, и полечат. Хорошая вещь – относительность, тем более что увеличивает вероятность приключений. И уж будьте уверены это даёт возможность выбора двух путей одновременно: хорошего и плохого. Всегда в одном и том же деле есть хорошая и плохая сторона. Одновременно можно быть минусом и плюсом. И это очевидно и невероятно! Хорошо получать подарки на день рождения, но это происходит всего один раз в году. Увеличивая вероятность приключений, увеличивается и число подарков от жизни, (всё новое и неизведанное – тоже подарки). Чем дальше в лес – тем больше дров. Но наша девчужка упорно лезла в самые дебри, где и ломала эти самые дрова. Наверное, такое происходит от избытка увлечений. Одновременно хочется быть врачом и учителем, учёным и продавцом, актёром и певцом, поваром и слесарем. . . Далее перечислять не хватает терпения. Не зная, чему отдать предпочтение, наше увлекающееся создание решило всё пустить на самотёк. Торопиться и правда не стоит в серьёзных делах. Нужно попробовать себя понемногу в каждом деле. Остались излишки капусты квашеной и огурцов солёных, так что ж не продать-то? Растили-выращивали, солили-квасили, оказалось переборщили: всей семьёй ели, ели, да не осилили. Родительница вздыхает-сокрушается, жалко трудовых мозолей, заработанных на садово-дачном участке. Отец предлагает это лишнее добро продать. Мать отнекивается от этого предложения, ведь никогда в жизни не торговала, да и неудобно как-то. А чего неудобного-то: своё, не краденное. Набираешь ведро огурчиков, тех самых, с пупырышками, да капусточку, да две мисочки с ложкой; нет, вы не о том подумали, не есть пока пузо лопнет, а сесть у магазина и продать страждущим, не имеющим счастья быть дачниками. Эти свои мысли озвучила начинающая десятилетняя коммерсантка. Проклюнулся новый талант продавца, отец от удивления даже газетку отложил. Мама пыталась образумить детку: нужно сначала из яйца вылупиться, а потом лезть в торговлю. Но ребёнок применил всё красноречие, убеждая родителей в выгодности этого дела, что мать сдалась, а папаша рысцой побежал в погреб. В течении двух часов длилась «торговая операция». Оба ведра были удачно проданы. – «Вот это, да!» – скажете вы. Как объяснить этот успех нашего ребёнка? На это стоило посмотреть! Маленькая девочка в окружении двух вёдер и благообразных старушек, сделав скорбное лицо, обращается к прохожим с жалостливой речью: – «Тётяшка, купите пожалуйста огурцы или капусту. Моя мама в больнице, а папа нас бросил и нам не на что купить хлеб!» Старушки сочувственно поддерживали «бедного ребёнка» и торговля шла бойко. С пустыми вёдрами сиротка пришла домой и рассказала, как всё прошло. Отец, обидевшись, ушёл на балкон курить, а мама стала увещевать: – «Верочка, очнись, открой глаза. Пора принимать лекарства», – голос матери изменился до неузнаваемости. — «Может мама и правда заболела, но тогда почему я должна их принимать?» – подумала Вера и открыла глаза. Бледно-голубые стены и нестерпимо яркая лампа под ослепительно-белым потолком. Вера снова зажмурилась. – «Пётр Андреевич, странный случай. Пациентка поступила шесть часов назад. Пришла сама, одета не по сезону; войдя в приёмное отделение, решительно направилась к двери, ведущей к лифту. На вопрос дежурного отвечала: – «Сегодня мне не до вас, господа!» – пришлось применить некоторые меры. Сопrotивления не оказывала, на вопросы не отвечает до сих пор, – вполголоса, монотонно произносила свой монолог женщина, называющая её Верочкой, – при ней был паспорт нового образца, но никакой прописки вообще нет. Сделали запрос в паспортный стол, но такая нигде не значится, – продолжала своё сообщение женщина.

— Что же получается, бомж что ли? – удивлённо спросил мужчина, называемый Пётр Андреевич.

— Выходит, что так. Хотя на бомжа не похожа. Алкоголя и наркотиков, видимо, тоже не употребляет. Но ничего не говорит, от пищи тоже отказывается. Пытались вводить физраствор,

но женщина не даёт это сделать. И так при этом смотрит, что медсёстры отказываются к ней подходить. Как вы думаете, что нам предпринять?

—Я думаю нужно оставить всё, как есть и пока понаблюдать за ней; тем более, что никаких хлопот она не доставляет, — ответил Пётр Андреевич.

Надо сказать, что Пётр Андреевич возглавлял лучшее частное медучреждение психических расстройств; был известным профессором и признанным специалистом в этой щепетильной области здравоохранения и сразу, как ищейка, почувствовал: с этой неизвестной будет интересно «работать».

***

Вера ещё слышала удаляющиеся голоса, но сама уже опять шла по коридору, стены которого были прозрачны, как стекло. По одну и другую сторону коридора она видела ту жизнь, которой жила; но в одной жизни всё было хорошо, радостно и спокойно. А в другой, те же самые «жизненные картинки» приобретали какую-то зловещую наполненность, безысходность и тоску. Эта тоска и влекла её искать выход из этих стеклянных стен, из этой пустоты. Как угораздило её попасть в этот промежуток? Она трогала руками прозрачные стены: на ощупь они были так тонки, что, казалось – щёлкни слегка пальцем – разлетятся со звоном на мелкие осколки, точно, как ёлочный шар из детства, падающий из неловких рук маленькой девочки, наряжающей ёлку.

Ах ёлка! Новый год! Все считают этот праздник самым лучшим, таинственным, весёлым и добрым из всех придуманных людьми; праздник для верующих и неверующих, взрослых и детей, нищих и богатых, больных и здоровых, счастливых и несчастных. Все с трепетом и надеждой ждут исполнения самых радужных и невероятных Чудес от этой поистине Волшебной Ночи! Да вы и сами помните всё это страстное возбуждение, которое за месяц с лишним, вдруг поселяется в наших телах. В головах взрослого населения начинают роиться мысли: где и что «достать» повкусней, чтобы порадовать родное семейство, а также друзей и, конечно, любимых детушек великолепием Новогоднего стола, а последних, естественно, удивить подарками от Деда Мороза. Кто не верил в этого сказочного старика? Тысячу процентов даю за то, что верили и верят все абсолютно! Но по разным причинам некоторые скрывают, что верят! Если бы не верили – не ждали бы Новый год, не следили бы за стрелками часов, неумолимодвигающихся к двенадцати заветным цифрам! Даже самые серьёзные, солидные, деловые люди с нетерпением ждут этого мгновения, потому что, втайне от всех и от себя тоже, ждут Чудес и подарков от славного, доброго старинного друга – Деда Мороза! Вы помните магазины и рынки за месяц до наступления Ночи Чудес? Эта очередь за чем; ах, ну да, за колбасой и маслом; а эта, выстроившаяся в два ряда извилистой змейй? Все эти красные, взмокшие, нервозные личности хотят приобрести, нет – урвать, выгрызть – заветный эликсир, без которого ни один праздник на Руси не праздник! С прилавков сметается всё: водка, шампанское, коньяк, вина красные, белые; настойки и ликёры – всё по возможностям и престижности. Бедные продавцы! От духоты, количества денег, которые нужно забрать у покупателей, дать сдачу, отрезать, отмерить, завернуть и выдать товар; поругаться с привередливыми; и всё это целый день с утра до вечера мелькает перед глазами до закрытия. Такой выручки не делается даже за полгода работы! И это за один предновогодний месяц.

Бедные покупатели! Они ухитряются как-то работать и стоять в очередях. По улицам снуют толпы людей с загруженными под завязку сумками. В магазинах давка, в транспорте давка. И, что главное: деньги появляются даже у тех, у кого их обычно нет. Так же удивительно, что отовариться желаемым удаётся практически всем! Поэтому холодильники (балконы, сараи, погреба) «забиваются» продуктами, которых при рациональном использовании хватило бы на месяц. Но почему-то они съедались за одну ночь! Вот особенность всех волшебных ночей: сплошные парадоксы и чудеса. Попробуйте сами в обычную ночь затолкать в себя столько же, ну и, разумеется, выпить. То-то и оно, что не получится! А если и получится, то никакого

удовольствия, да и утром, где вас искать? В предновогоднем же марафоне вся изюминка в том, что у людей появляется мощный импульс, объединяющий всех в единый монолит. Заботы одни и те же, общность интересов, разговоров.

— Женщина, где вы достали сосиски?

— Да, вон там, за углом с лотка продают!

Не успевшая отовариться, бежит бегом за угол и сразу вливается в общую массу жаждущих. А вечером, дома, сколько впечатлений, рассказываемых всеми членами семьи. Да, это сплачивает! Мать, уставшая, но с воодушевлением делится подробностями своих покупательских способностей, рассказывая принесённое в холодильник, в шкаф, на балкон, строго-настрого приказывая ничего этого не трогать до праздника, что с трудом, но выполняется членами семейства. Чтобы отвлечь от вкусных соблазнов, детям предлагается заняться изготовлением игрушек и гирлянд для украшения ёлки и комнат. Отец, по желанию, тоже может присоединиться к творческому процессу, что положительно сказывается на общей душевной атмосфере в доме. Флажки, снегурочки, зайчики и рыбки, фонарики и клоуны были более ценны, если делались своими руками. Сами подумайте—сколько радости и удовольствия вкладывалось в эти домашние украшения. Не поэтому ли в доме было так уютно и защищённо: столько было тепла и доброты. Девтора восхищалась покупными переливающимися шарами и звёздами, но с каким азартом хвастались друг перед другом сделанными игрушками из ваты, бумаги, фольги и яичных скорлупок, украшенных, расписных, необычной формы. А какой Новый год без карнавальных костюмов?! Вот где проявлялась скрытая талантливость, бушевало воображение! И, заметьте: никто не оставался без приза за костюм. Поэтому вдохновение так и кипело во всех сердцах. Вот и нарисовали портрет предновогоднего марафонца, у которого задействовано всё—руки делают, ноги бегают, голова варит, сердце радостно стучит, душа умиляется, ну и, конечно, глаза горят, а язык «метёт», как помело ведьмы, помогая двигаться к Сказке.

Что за кроха держит огромный розовый шар, переливающийся от малейших движений маленькой ручки? Кроху мы узнали это—наша любопытная героиня необычного повествования. Веруська подносит шар к глазам и смотрит сквозь него на свет. Как интересно и ярко окрасился Мир! Мама розовая, папа тоже, даже кошка Муська, обычно серая в полоску, стала в полоску розовую! От восхищения и радости Вера захлопала в ладошки: мир-то розовый очень красив и привлекателен, намного лучше обычного, где много серого и чёрного.

Бах—цвиньк—дзиньк... Что это? Куда пропал Розовый Мир? И почему ахнула мама? Девчушка смотрит себе под ноги, туда, куда этот мир рухнул. Какое горе—нет больше этого мира, этой красоты; мгновение и, вот оно—разочарование... Рекою слёзы полились из ясных, только что восторженных глаз. Детское сердечко начинает понимать, что жизнь только прикидывается хорошей и красивой; на самом же деле – это монстр, который только и ждёт момента, чтобы вцепиться в тебя и рвать на части, принося нестерпимые страдания. Хорошо, что рядом есть близкие люди, приходящие тебе на помощь, а вместе уже не так страшно. Нежные, добрые руки мамы обнимают, успокаивают, гладят по головке, прижимают к груди.

— Разве это горе? Горя ты ещё не видела. Не нужно плакать. Мы сейчас ещё шарик вместо разбитого на ёлочку повесим, – приговаривает мама.

И вот слёзы высыхают, но остаётся чувство безвозвратно утерянного. Нет, не шарика даже, а чувства безопасности и стабильности, уверенности, что всё будет хорошо. Остаётся настроенность и ожидание будущих потерь...

Стоя сейчас за стеной стеклянного коридора, она, взрослая, услышала за спиной заливистый смех и, повернувшись, увидела ту же самую картинку, но только девочка там не плакала, а смеялась, глядя, как розовый шарик преобразует всё вокруг. Там уютно и радостно и нет страха. Почему же стены не пускают её в тот Мир? Она двинулась дальше в надежде, что где-то впереди найдёт выход из этого промежутка. Картинки её жизни мерцали за обеими прозрач-

ными стенами ловушки, Вера шла, не обращая внимания на происходящее. Что-то звало её вперёд, будто там ждало великое счастье.

***

Бесконечное движение начало её утомлять и, присев у стены, она закрыла глаза. Мысли — вопросы почти физически ощущались в мозгу. Это напоминало роящийся клубок беспрестанно жужжащих и копошащихся насекомых. Как случилось, что она попала в промежуточное пространство и теперь никак не находит выхода? И ведь точно знает после чего это случилось.

Жужжание изменило свои звуковые формы и стало напоминать дождь, бьющий с силой по железному листу, а ещё звук мотора, кем-то тщетно пытающегося завести. Открыв глаза, Вера удивилась, что находится не в стеклянном коридоре и, даже не в больнице, откуда начала своё движение; а сидит в машине. Вокруг тьма-тьмущая, в салоне слегка пахнет бензином; невидимый водитель, чертыхаясь, безуспешно пытается вернуть мотор к жизни. Порывами яростного ветра струи дождя бьют по крыше машины и заливают стёкла. Вера ощутила какую-то заостренность в теле и пошевелиться не могла, желая разрушить это состояние.

— Проснулась? – спросил знакомый голос.

— Да, – ответила Вера, вспоминая кому же он принадлежит, – господи, да ведь это её муж!

Окончательно придя в себя, спросила, что случилось?

— Заглохла почему-то, наверное, контакты отсырели, – сказал муж, продолжая методично поворачивать ключ зажигания.

— Где мы находимся? – поинтересовалась Вера, прикуривая сигарету.

— Немного не дотянули до Самары, а это Зубчаниновка, – ответил муж.

Вера пыталась разглядеть за окном хоть что-то. Хорошо ещё, что заглохли не на трассе, а рядом с жильём. Правда времена такие, что люди опасаются посторонних, тем более так поздно. Вдруг от дома, рядом с которым стояла машина, к ним стала приближаться фигура в плаще и под зонтом. Пришлось открыть окно, несмотря на поток дождя, летящего в салон и сразу стало промозгло и зябко. Из-под плаща прозвучал приятный женский голос.

— Я смотрю, что ничего у вас на получается. Может отложите до утра, а сейчас милости просим к нам в дом, – позвала-предложила женщина.

Сначала Вера с мужем отнекивались, но незнакомка настаивала, да и им ужасно не хотелось, после двухчасовой поездки оставаться в остывающей машине. Если включить печку, то за ночь можно «посадить» аккумулятор. И они согласились. Возник вопрос: как оставить машину без присмотра на дороге.

— Сейчас мы этот вопрос решим, – сказала незнакомка, – я на минуту отлучусь, – она двинулась к дому. Послышалось металлическое лязганье и скрип открываемых дверей и шум заведённого автомобиля. Ворота открылись и со двора выехала машина. Марку трудно было определить в темноте из-за сильного ливня, да это было и не суть важно. Муж Веры накинул куртку и выскочил под дождь, чтобы зацепить тросик; заскочив обратно, стал выкручивать за машиной незнакомки к дому. Гараж оказался настолько просторным, что обе машины с лёгкостью разместились внутри. Надя с мужем огляделись: очень ухоженное, прекрасно оборудованное помещение со стеллажами и полками для инструментов и смотровой ямой. Незнакомка скинула плащ, повесив его на плечики, а зонт, оставив раскрытым, повесила рядом. Веру пронзило острое чувство чего-то знакомого, будто это делала она сама когда-то. Хозяйка открыла дверь из гаража и пригласила их с мужем в дом. Они оказались в прихожей. И опять щемящее чувство зародилось в груди и поползло горячими «мурашками» между лопатками к затылку. Вера точно знала, что будет дальше. Хозяйка предложила раздеться, переобуться и пройти в холл. За доли секунд до этого Вера уже «видела» всё это и была одновременно хозяйкой и гостьей! Вера подумала, что всё ещё продолжает спать в машине и видеть «очередной сон»,

как до этого «снился» какой-то стеклянный коридор и больница; лишь стоит ей проснуться и всё встанет на свои места.

Тем временем хозяйка усадила их в кресла у телевизора, предоставив самим выбрать программу, а сама удалилась на кухню.

— Сейчас приготовлю салатик из помидор с огурцами, разогрею плов, а к чаю подам печенье, – думала хозяйка, открывая холодильник и доставая продукты. Находясь в холле и разглядывая обстановку, Вера одновременно делала то же, что и хозяйка: занималась салатом и грела плов!

— Что за чушь! – подумала она, «сидящая» в холле, – получается, что я и хозяйка – одно лицо, но раздвоенное? Ну это точно бывает во сне, а поэтому не стоит заикливаться на этом, а просто наблюдать за происходящим, зная, что последует пробуждение. Такое в психиатрии называют раздвоением личности, но мне снится сон: не зря, видно, мне и больница снилась. Просто события последнего времени повлияли на состояние душевного равновесия и следует хорошенько отдохнуть, а также основательно заняться здоровьем, – эти мысли прервало появление хозяйки дома. Так интересно наблюдать, как ты сама подаёшь ужин и себе, и мужу. Хозяйка была точной копией Веры за исключением цвета волос: у «копии» волосы очень светлые, тогда как у неё самой были крашенные, каштановые. Удивительно было и то, что муж, казалось, совершенно не видел их значительного сходства; по крайней мере его лицо не выражало удивления и озадаченности.

Они поужинали, обмениваясь впечатлениями о погоде; муж всё сетовал на заглохшую машину и всё извинялся за столь позднее вторжение; хозяйка, улыбаясь говорила, что это для неё совершенно необременительно и она даже рада гостям. Затем вместе с хозяйкой, Вера мыла чашки-тарелки и убирала в сушилку. Первой прервала молчание хозяйка:

— Я думаю, что мы знакомы. Ты очень похожа на меня и с твоим появлением у меня появилось ощущение, что я знаю о твоей жизни всё. Есть лишь небольшие различия. Кстати: меня зовут Надя, а тебя Вера. Мне частенько снились сны, что я живу другой жизнью и «там» меня зовут то Верой, то Ниной; но, оказывается, что по каким-то непостижимым причинам мы жили и своей, и жизнью друг друга одновременно! Сегодня во сне я была Верой и находилась в больнице, а затем шла по «стеклянному» коридору и видела картинку своей и твоей жизни из детства.

— Что же значит это, как ты думаешь? Существует ли мы или есть только одна из нас, но с раздвоенным сознанием?! – воскликнула Вера.

— Да нет, я уверена, что здесь дело не в заболевании. Ты помнишь эпизоды из своей прошлой жизни, которые наблюдала, проходя по «стеклянному» коридору? С левой стороны жизнь там течёт размеренно, счастливо, без проблем и неприятностей, а с правой – за счастьем обязательно следует горе или несчастье; за уверенностью – крах надежд и разочарование. Хорошее обязательно сменяется плохим. Те же ситуации, но с разной эмоциональной наполненностью. В физике есть явление наложения волн друг на друга. Если амплитуды и длины волн совпадают, то они становятся единой волной. Но если один из параметров волны имеет отклонение от параметров другой, то полного слияния не происходит, а только частичное. От этого и события твоей и моей жизни похожи, но имеют различия.

— Но почему мы обе выпадаем из «волны» и оказываемся в промежуточном пространстве? – спросила Вера.

— Этот вопрос задаю себе и я. То, о чем я догадываюсь, для обычных людей покажется бредом сумасшедшей, но других объяснений я не нахожу. Насколько я знаю, мы обе изучали начертательную геометрию, когда учились; только я закончила учёбу полностью, а ты ушла по причине замужества. Я тоже вышла замуж, но позже.

— Выходит, что ты отстаёшь? – заметила Вера.

— Нет, это ты торопишься! В твоей жизни всегда была какая-то надломленность, трагичность; у меня всё шло ровно и гладко, без срывов и балансирования на острие. В каждом периоде твоей жизни происходили события, мешавшие полному раскрытию твоего предназначения; ты как книга с вырванными и потерянными страницами. Помнишь, преподаватель предложила начертить проекцию предмета во втором квадранте или в восьмом и тогда проекции наложились друг на друга! Ещё она задала вопрос: можно ли это представить проекцию объекта в восьмом или шестнадцатом квадранте пространства, и какое нужно измерение, чтобы проекция предмета исчезла? Теоретически – возможно, но на практике не достигалось в тот момент; по крайней мере не сознавалось. Когда «объект» уходит за угол, он не перестаёт существовать; это мы его не видим. На самом деле мы с тобой две проекции «объекта», находящегося в истинном, исходном измерении; удивительно то, что мы с тобой встретились. Рассуждая логически – это не должно было случиться. Но если это произошло, значит, пространственно – временные формы имеют ячеистую структуру. Ячейки вкладываются друг в друга, как матрёшки, а «стеклянный» коридор – это свободное энергетическое «поле», управляемое ячейками. Обычно люди не задумываются, в каком измерении находятся; считается, что в трёхмерном. Но если добавить Время, то можно оказаться в четырёхмерном пространстве.

— Да, да! Я помню, что если выбрать точку на временном отрезке и произвести, то или иное действие, то можем попадать в альтернативные реальности, – Вера с удовольствием вспоминала когда-то изучаемый предмет.

— И, даже, трудно сказать: какая из реальностей самая реальная, твоя или моя, – добавила Надя.

– Значит, мы с тобой две проекции, наложившиеся друг на друга? – спросила-утвердила Вера.

— Выходит, что так...

— Но как же нам с мужем быть, если мы попали в другую «ячейку»? Где найти вход-выход?

— Знаешь, я думаю завтра ты сможешь найти это место. А сейчас лучше всего отдохнуть. Пойдём – я вас устрою на ночь, – слегка уставшим голосом сказала Надя.

Разместила их хозяйка по-царски: огромная кровать застелена нежно-голубым бельём, задёрнутые шторы с серебристо-синим рисунком, излучали какой-то лунный свет. Никаких зеркал не наблюдалось. От этого было спокойно и уютно на душе. Пожелав доброй ночи и, показав душевую, Надя удалилась.

Приняв душ, уставшие от впечатлений, улеглись спать.

***

Очень вкусный запах настойчиво проникал в её, ещё не проснувшийся организм. Не открывая глаз, Вера пыталась определить: над чем колдует с самого раннего утра муж? Иногда у него был «заскок» – встать пораньше и приготовить удивительное блюдо, каждый раз разное. Судя по ароматам, готовка подошла к концу. Муж всегда добавлял напоследок чеснок, укроп и специи. Вот он тихонько заходит в комнату и, думая, что она ещё спит, берёт пушинку, выпавшую из подушки и щекочет ей губы. Вера стойко пытается притворяться крепко спящей, но, наконец, улыбка выдаёт её. Со смехом они шутливо борются, а потом начинают целоваться.

— Вставай, засоня, завтрак для вашего величества готов, – ласково говорит Сашка.

Разрешите представить этого лучшего в мире мужчину: зовут Александр. У него удивительные серебристо-синие глаза. И они всегда меняются. Когда ему грустно, то они туманные, если радуется, то искрятся и переливаются; от нежности и любви темнеют и затягивают, как омут. Вера смотрит в эти глаза и знает, что так будет всегда.

— Поднимайся скорей, а то завтрак стынет, – Сашка настойчиво тянет её за руки, помогая встать. Сегодня ей особенно хорошо: наконец удалось выспаться. Мучитель, поселившийся в её теле несколько месяцев назад, ночью вёл себя на удивление спокойно. Последние три

месяца было тяжко. Тошнило и днём, и ночью, ноющие боли раздирали позвоночник и бёдра; ребёнок занял, казалось, всё тело и хозяйничал в нём как хотел. Укладывался и вдоль, и поперёк, упражняясь на её внутренностях, толкал руками и ногами, упирался головой, перекрывая воздух. Пока же «монстрик» спал. Умывшись, Вера почувствовала себя совсем прекрасно.

— Ужасно хочется есть! – с этим возгласом Вера «вплыла» на кухню, – где тут твоё произведение искусства, давай скорей, пока «дракончик» не проснулся!

Между собой, они с Сашкой ласково называли будущего малыша разными смешными словами. Да – самые лучшие повара в мире мужчины! Каждый кружочек отварной картошки обжарен до золотистого цвета, сверху красуются колечки колбаски, так же любовно обжаренные и посыпанные свежим укропчиком, зелёным луком и чесноком, а по краям тарелки разложены тонко нарезанные помидоры и огурцы. Сами знаете, что следует далее: естественно уплетается за обе щёки! Так – тарелка очищена основательно, почти мыть не надо.

— Сашок, ты у меня золото! – разве что, не мурлыча, говорит Вера.

— Да ладно уж хвалить, я и так знаю, что лучше тебя никогда не сделаю, – иди-ка полежи немного, я тебе и телевизор включу.

***

Приятная слабость и истома обволакивают; диванчик со множеством подушек становится лучшим другом. Красота-а-а! Да и погода с утра солнечная, безветренная. Синички за окном цвилькают. Лёгкая дрема качает-укачивает, руки-ноги наливаются свинцом; телевизор начинает издавать неприятные звуки. Вера хочет крикнуть мужу, чтобы переключил, но странное удушье не даёт это сделать. Она с усилием вздыхает и просыпается. Резкий, тошнотворный запах перегара заполняет всю комнату. К горлу подкатывает рвота. Насколько позволяет огромный живот, Вера торопится в туалет. Желудок, судорожно сокращаясь, хочет протолкнуться через горло и вытряхнуть из себя горькую пену из смеси желчи и кислоты. От натуги напрягается живот, и ребёнок начинает бунтовать. Минут пять продолжается эта пытка; затем понемногу внутри всё успокаивается. Обессиленная, Вера возвращается в комнату. Она понимает, что ей снился сон, где всё у неё хорошо, а сейчас она вернулась в реальность. На полу расстелен матрац, на котором спит мерзкий пьяный человек – её муж. Явившись среди ночи, и прежде, чем улечься, он достаточно поиздевался над ней. Вспоминая всё это, из опухших глаз Веры потекли горячие ручейки слёз.

— Ах ты, паскуда, спишь вместо того, чтобы мужа ждать?! Я тебе устрою «весёлую жизнь», тварь! Ты научишься мужа уважать! – он хватает её за ворот халата и бросает к ногам, – целуй, сука, ноги!

От бессилия, унижения и гнусной вони потных, грязных носков, у неё поднимается волна отвращения и её рвёт прямо на эти вонючие ноги.

— Ах ты дрянь! – разъярённый муж отпихивает её от себя, снимает носки и кидает ей в лицо, – ты у меня сейчас их жрать будешь; слышишь, падла?!

Новая волна рвоты накатывает на неё и Вера, стоя на коленях, не может сдержать раздирающих нутро позывов.

— У-у-у, корова, блюй дальше, а я спать пошёл, – бормоча ещё что-то непотребное; существо, называемое мужем, держась за стенки, удаляется в комнату. Наплакавшись до иступления, Вера плетётся в комнату и ложится на диван. Тяжёлый сон наваливается на голову, будто огромная гиря...

В голове пульсирует боль, собравшись просверлить своим острым жалом бедную головушку. Затёкшие руки и ноги не дают возможности подняться.

Вы испытывали зубную боль? Когда невидимый «маньяк-садист» с вожделием и смаком втыкает острый стержень с крючкообразными шипами, надавливает, проворачивая и подёргивая рукоятку стержня. Мозг не выдаёт никакой информации, никаких желаний, кроме

одного: желания избавиться от этого мучителя, увлечённо орудующего адским стержнем, проникая всё глубже и глубже, не позволяя жертве прийти в себя.

***

— Нинка, слышь, Нинка, – сиплый голос, как продолжение боли достигает её сознания. Боль заглушает мелькнувшее удивление: (почему Нинка?)

Разлепив глаза, увидела в полумраке существо, едва напоминающее человека. Признаков пола сходу тоже не определишь.

— Нинка, налить что ли, на опохмелку? – прохрипел и закашлялся «голос». Послышалось бульканье и перед лицом появилась заскорузлая рука со стаканом. Очумелый от боли мозг дал только одну команду: взять стакан. Рука была, как механический протез, действующий самостоятельно. Жидкость из стакана переместилась в рот, затем внутрь пропасти, называемой желудком. Наконец тело соединилось с головой и, даже, боль стала куда-то уползать, затаившись в затылке тупым комком.

— Ещё по одной? – спросило существо, уже разливая по стаканам жидкость из бутылки.

— А ты кто? – задала вопрос Нинка.

— Ты чё, Нинка, это же я, Толян!

— Ну давай, Толян, выпьем тогда.

Нинка стала вспоминать, почему находится именно здесь, в подвале на матрасе, взятом на помойке, в одежде, так дурно пахнувшей, что у обычного человека вызывает характерные желудочные спазмы; и кто она в конце концов. Вторая принятая доза алкоголя странным образом подействовала на способность к воспоминаниям.

***

Засиженная мухами лампочка с жадностью живого существа не желала расставаться с источаемым ею светом. Углы комнаты прикрылись сумраком, как вуалью прикрывает лицо дама, не желающая быть узанной. Комната стыдилась своего омерзительного нищего вида. Низкий потолок, казалось, никогда не знал белого цвета. Чёрная плесень грибка и разводы ржавчины почти полностью «сожрали» краску, когда-то (будем надеяться) покрывающую это странное пространство под названием «потолок». Стены грязно-синего цвета во многих местах угрожающе вздулись, как фурункул, готовый вот-вот лопнуть и излиться вонючей зеленовато-жёлтой, тягучей, как сопля, жидкостью. Маленькое оконце не добавляло света этой зловонной норе, так как одна створка была забита фанеркой, а на другую натянут кусок замызганного полиэтилена. Смесь запахов человеческих фекалий и мочи, блевотины, тухлой рыбы, перегара и самокруток уплотнились до состояния осязаемости. У окна, вместо стола, притулились заляпанные, краской, цементом и известью строительные «козлы». Вдоль стены, справа от двери, на грубо сколоченном топчане из досок, в куче полуистлевшего тряпья и обрывков газет лежал маленький человеческий скелетик. Серую кожицу сплошь покрывали струпья, в которых, если приглядеться поближе, копошились опарыши, а в давно не чёсанных, сбитых колтуном волосёнках на голове, кишели вши. Маленькое личико было бледным, с каким-то зеленовато-жёлтым оттенком, щёки и виски ввалились, запёкшийся рот приоткрыт, а огромные замутившиеся глаза неотрывно смотрят на куски хлеба, разбросанные по импровизированному столу среди окурков, кожуры от рыбы и варёной в «мундире» картошки, бутылочных пробок, огрызков солёных огурцов и залапанных до сальности, стаканов с остатками голубоватой жидкости, добавляющей к сложной гамме вони, свою тошнотворную ноту. Весь этот «натюр-морт» озвучивал рой мух, гудящих, как истребитель в «пике», шуршание тараканов, снующих среди этого «великолепия» с реактивной скоростью и пирующих на остатках человеческого разгула. За этим подобием стола, привалившись спиной к стене и свесив голову на грудь, сидела женщина. Сальные, грязно-бурые волосы не могли прикрыть соплю и слюни, клейкими струйками, свисающими до груди мощно храпевшей колоритной фигуры. Малинового цвета кофта из «ангорки», кое-где поеденная молью, вытянутая и потерявшая форму; джинсовые

заскорузлые брючишки с дырками на коленях и в пятнах от всех мыслимых и немыслимых источников загрязнений, включая еду, уличную грязь и мочу; ещё не совсем развалившиеся кроссовки, были явно притащены с помойки. Склонив голову на «стол» и для удобства подложив калачиком руки, спала явно молодая, довольно прилично одетая, девушка. Яркая губная помада, тушь и тональный крем слегка смазаны, но не портили её, ещё свежего, лица. Короткий кожаный сарафан и облегающая водолазка чёрного цвета были универсальны и почти всегда не могли выглядеть грязно. Модные туфли на высоком каблуке и колготки из лайкры удачно дополняли «гардероб». Короткая стрижка медно-красных крашенных волос сейчас напоминала когда-то модное направление «я упала с сеновала тормозила головой». У ног этой пары «дам» плашмя расположился мужчина. Спортивный костюм явно был приобретён совсем недавно, но уже успел побывать в «переделках». Мужчина почему-то был босой, а туфли сиротливо стояли у порога. Все трое были мертвецки пьяны. Этому поспособствовала жидкость цвета неба, так называемая в народе «денатурка». Лежащий на топчане ребёнок слегка шевельнулся. Тело и голова нестерпимо чесались, но сил совершенно не было, чтобы унять этот зуд. Боль и жажда иногда отступали, когда сознание затуманивалось от голода и тогда Ангел брал его за ручку, чтобы лететь туда, откуда не хотелось возвращаться: синее небо, яркая зелень, чистая вода в реке, ласковое тепло и нежные звуки, напоминающие пение миллионов золотых и хрустальных колокольчиков; всюду цветы, цветы и есть совсем не хочется. Вдалеке на лужайке бегают и смеются мальчики и девочки; малышу тоже хочется к ним, но Ангел гладит его по головке и просит немного подождать, потерпеть, говоря, что скоро, очень скоро он останется здесь навсегда...

Мальчик открывает глаза и острый спазм пронзает его. Голод грызёт изнутри ещё живое тельце. Две слезинки скатываются по щекам и набравшись духу, малыш шепчет: – Мама! – ещё раз чуть громче: – Мама, я кушать хочу, дай хлебца, мамочка, хлебца хочу, пить хочу, мама дай водички!

Рыжеволосая медленно подняла голову, обретая реальность, затем повернулась к топчану лицом и непонимающе уставилась на ребёнка. Пустые бессмысленные глаза, вдруг стали наливаться чернотой и ярость исказила до безобразия её миловидное лицо. Слова, как камни вылетали изо рта и обрушивались на бедное маленькое тельце:

— Заткнись, выродок вонючий, урод паршивый! Ишь, сволочуга, жрать он хочет! Дерьмо своё лопай, поганец, а ссаньём запивай, гадость такая! Ты мне всю жизнь испортил, дебил, а теперь хлеба просишь, говнюк; да чтоб ты сдох!..

Мальчик давно уже молчал, а рыжая всё орала и орала. От криков пришли в себя мужчина и женщина, осоловело глядели на разошедшуюся молодуху.

— Чё ты уставился зенками, козёл, чё уставился! – кричала испуганному ребёнку рыжая, – не смотри на меня так, а то я сейчас тебя быстро «накормлю»!

Из-за сковавшего страха, мальчик не мог отвести взгляд от разбушевавшейся матери.

— Да ты ещё нарочно делаешь, мать не слушаешься? Ну всё – получай! – подскочив к мальчику, рыжая со всего размаха ударила его по лицу, а потом ещё и ещё раз... Голова на тонкой шейке дёрнулась несколько раз и застыла; ножки незаметно для рыжей, вытянулись. Мальчика уже не было в этом больном, измождённом тельце. Ангел, взмахнув крыльями, уносил светлую Душу подальше от этой смердящей норы...

– Вот – так вот, сразу заткнулся, урод! – удовлетворённая «послушанием» малыша, пробормотала «рыжая», – будешь знать, как канючить; спи лучше и чтоб я тебя больше не слышала! – добавила она, не зная, что мальчик её уже не слышит.

— Давно пора было его заткнуть, – подала голос женщина у стола, – а то «дай» да «дай», за...бал совсем твой выродок. Где я ему столько наберусь? Или у меня с неба валится? Ты, Юлька, собралась и уехала в город, а мы тут должны твоего вы...ка кормить? Всё, на ху..., мне поспать и на тебя, и на него! Забирай и вези куда хочешь. У меня тоже своя жизнь и муж

молодой; да, Миш? – женщина заулыбалась полу-беззубым ртом и потянулась похлопать по плечу сидящего на полу босого, всклокоченного, опухшего мужика.

— Да ладно, чего там, – пробурчал Миша и не нашёл ничего лучшего, как предложить выпить по такому случаю ещё «синеглазки».

Юлька скривилась и, матюгнувшись, достала из-под подола сарафана пятитысячную купюру.

— Нет уж, гони дядя Миша в магазин; купи два «пузыря» беленькой и на закуску колбасы и селёдки, да хлеба. У соседки купи картохи ведро. Так замечательно сейчас посидим, – смачно причмокнула Юлька и добавила: – да сигарет мне «Мальборо», а вам с мамкой попроще, попроще! – и она довольно заржала.

— Всё, Юлёк, сделаю как надо, – засуетился дядя Миша, надевая туфли и отряхивая костюм. Схватив пакет и деньги, он пулей вылетел за дверь, боясь, что Юлька передумает.

— Вишь, заснул малец. – кивнула в сторону топчана Юлькина мать, – и расходов меньше. Во сне-то и есть не хочется! – пошутила-утвердила «бабушка» и добавила, – всегда бы так: тишина и никакого нытья.

— Да ладно тебе, мать, хватит причитать-то! Я тебе и так «отстёгиваю» на этого дармоеда кровно заработанные. Знаешь, как мне достаётся это? – с обидой высказала Юлька.

— Прибедняешься ты, Юлька: кровно заработанные! Подняла подол вот и заработала, – осклабилась гнилыми пеньками от зубов, мамаша, – я б помоложе была, тоже пошла так «зарабатывать», но ушло то времечко! – вздохнула притворно-сожалеюще, – ну да ты у меня продолжательница рода, – захихикала, прикрывая рот рукой.

Сколько себя помнила, Юлька наблюдала, почти ежедневные пьяные разгулы, коим предавались папашка с мамашкой. Какие-то непотребного вида мужики и бабы, сменяя друг друга, появлялись в их грязной, сырой халупе; пили, ели, ругались, дрались и «трахались», «трахались», не пытаясь уединиться. Когда Юльке было семь лет, одна такая «парочка» устроилась прямо на её кровати. Девица была настолько пьяна, что, упав поперёк кровати ничком, сразу уснула. Нижняя часть туловища свисала с кровати, а такой же пьяный «кавалер» никак не мог уложить эту грудку мяса, как нужно. Матюгнувшись, он с треском порвал трусы на необъятной заднице спящей партнёрши, расстегнул штаны и вытащил то, чем обычно писают все дяденьки. Юлька лежала не шевелясь, вдавившись в стенку своими острыми лопатками и старалась не дышать от страха. Поёрзав какое-то время на голой заднице бесчувственной девицы и издав странный рычащий звук, дядька спихнул бабу на пол, а сам плюхнулся на кровать не застегнув ширинку и мгновенно уснул. Страх, сидевший у Юльки в горле, стал медленно опускаться в желудок, а потом ниже и, вдруг, превратился в неодолимое любопытство. То, чем писают, сейчас лежало поверх волосатой «кочки» и Юлькины ручонки потянулись потрогать «это». Сначала пальчиком, потом всей ладонью она погладила этот хоботок, потом ещё и он зашевелился! Дядька спал, а «это» жило само по себе! Юлька позволила себе поиграть, потерев этот, так похожий на носик слонёнка, «писюлёк», как называла его мамка.

— А ты далеко пойдёшь, детка, – прохрипел дядька, – играй, играй с ним, забавляйся, пока я добрый, – и протянул поросшую рыжей шерстью лапищу к Юлькиному пупку, а затем ниже...

Вот так в семь лет и по собственному желанию она стала женщиной. Рыжий бугай был прекрасным «учителем», а Юлька преуспела в качестве «ученицы».

Вечно не просыхающие предки, в упор не видели, что происходило у них под носом; что вытворяла их дочь. В двенадцать, Юлька «залетела», но по неопытности не поняла, что это такое. Когда учительница заметила потолстевший животик у вечно худой ученицы, было поздно что-то предпринимать. После пятого класса, в конце лета, у Юльки родился мальчонка. Вполне здоровенький, но такой никому не нужный. Конечно, в школе и в районе разразился скандал ещё до рождения крохи. Юлькину мать и отца чуть не лишили родительских прав.

Но дело «замяли»: у директрисы школы брат был главой района; перевыборы «на носу», а тут такое! Родителей Юльки напугали тюрьмой за совращение малолетней (муж директрисы был начальником УВД района). Горе-родители присмирели: кому охота в тюрьму! Мамашка в кои-то веки прибралась в доме, пьяные гости вмиг испарились, и Юльке, привыкшей к бедламу, стало как-то скучно. Но ребёнок родился и его нужно как-то кормить-одевать. Предки оформили ребёнка на себя, записав сыном; устроились на работу и с год всё было тихо-мирно и шито-крыто, пока однажды их не посетил рыжий бугай, вернувшийся недавно с зоны. А ведь сел не за совращение малолетки, а за пьяную драку. И завертелось, закрутилось по-старому!

Так и не закончив школу, молодая шалава вместе с рыжим рванула в город. Вот где был простор и поле её деятельности! Юлька влилась в городскую жизнь, как ручеёк в реку. Её тянуло к мужикам, а уж они-то были без ума от молоденькой шлюшки. Рыжий стал её сутенёром. Деньги посыпались к ним манной небесной. Не брезговали и шантажом. Девочка-то несовершеннолетняя! Несколько раз Юльке восстанавливали «девственность» (за немалые деньги), но зато потом можно было сорвать огромный куш! В снятой квартире устанавливали скрытую камеру и всё происходящее снимали. На эту «удочку» попадались богатые и известные любители юных тел, а им ни к чему были неприятности. Платили много, но Юльке хотелось ещё больше. Для начала она избавилась от «рыжего», наняв отморозка для этой цели. На городской свалке нескоро обнаружили тело, изъеденное крысами и разложившееся до неузнаваемости. Затем Юлька поставила себе цель: занять «своё» место в этом прибыльном деле, продаже своих постельных способностей. Конкуренция была смертельная! Но Юлька решила не размениваться по мелочам, а ухватить кусок пожирней, то есть мужика с большим и толстым... кошельком! Ультракороткая юбка, налитая грудь, копна густых медно-красных волос, стали её визитной карточкой. В первый же её «выход» в свет на её прелести клюнул известный в городе адвокат Казимирович. После удачно проведённого «дела», он завалился в казино, где и был пойман в сети падшего «ангела». Он так и сказал при знакомстве:

— А что это за ангельское создание спустилось к нам недостойным?

В эту же ночь Юлькин лифчик пополнился кругленькой суммой. Адвокат был с «заморочками». Это был секс-игрок, охотник. Юлька, естественно была «дичью». Великолепно подыграв, она уже к утру вымотала адвоката, и он лежал распластаный и голый на широченной кровати не в силах даже шевельнуться. От избытка чувств и неизведанного ранее наслаждения, он разрешил Юльке заглянуть в кошелёк и забрать все деньги, какие найдёт; нашлось много. Казимирович так привязался к Юльке, что почти перестал появляться в семье. Он таскал свою новую забаву на все тусовки и вечеринки, в казино, рестораны и, даже, в суд, где вёл дела. Он одевал её в самые дорогие наряды, купил квартиру, ездил с ней на море. И жутко ревновал. Юлька умело манипулировала им и всё шло, как по маслу. Но однажды, потерявший голову адвокат, с треском провалил защиту одного очень известного вора в законе и его дружки «наказали» адвоката. Его автомобиль был расстрелян прямо среди бела дня в людном месте. Юлька словно нутром почуяла и в тот день категорически отказалась его сопровождать, сославшись на головную боль. Так она оказалась опять свободна. В тот же вечер с соболезнаваниями появились друзья адвоката и среди них очередной претендент на её прелести. Это был хозяин нескольких ресторанов. От него Юлька «поимела» машину, счёт в банке, новую мебель и кучу шмоток к уже имевшимся. Затем её «перехватил» глава администрации. Что удивительно, но с каждым из своих мужчинок она не скучала и не капризничала, а даже получала удовольствие, хотя все они были далеки от совершенства и по возрасту намного старше. Юлька умела зажечь их своим каким-то внутренним огнём, неисчерпаемой энергией. Как удавалось ей это? Откуда бралась неиссякаемая страсть? Каждый раз, ложась с одним из них в постель, Юлька закрывала глаза и видела деньги. Желание иметь все блага жизни, а также неистребимая мысль забыть о своём детстве, были той искрой, разжигающей огонь в её теле; и она пылала в этом пламени, разжигая пожар в своём партнёре. Ради своего прекрасного будущего Юлька

была готова на всё, кроме смерти. Но о ней Юлька не думала. Она собиралась жить долго и красиво, а смерть никак не вписывалась в её планы...

После главы администрации у Юльки появился Георгий Петрович: высоченный и колоритный мужчина, взявший «опеку» над этой прелестницей. С его «лёгкой руки» у Юльки появился салон интимных услуг. Теперь она могла позволить себе не продавать себя, а набрать девчонок и на них иметь очень приличные деньги. Где только ни выискивала «рабсилу» для салона Юлька. Вместе с Георгием Петровичем она посещала ночные клубы и рестораны, казино и бары. Однажды и усмотрела «жертву». Сначала всё шло по плану, но потом что-то не заладилось и теперь предстояло столько с ней возни, а Юлька этого не любила, особенно тратить деньги на кого-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.